

еси. Радуйся, яко с Иполитом Понтусом дружбу сведа, все награбленное разделили. И радуйся, всем плутням его великий сподвижнице, да зовем ти: радуйся, неистовый, пьяный, чреватый дурак наш еси.

Часть этой пародии, именно «Евангелие», дает любопытную бытовую картину того, как проводилось во время войны с Наполеоном «избрание вождя сил крестоносных», т. е. предводителя ополчения, собранного дворянами Костромского края против французов. Костромской губернатор Пасынков, не дожидаясь «повального избрания», сам назначил некоего Бардакова, «мужа злочестивого, мерзскаго, хулителя, мздоимнаго, скареднаго Иуду». «Людие божи», которые пошли за ним в поход «в страны Зависельские и Одерские», «овии позябоша, овии от глада погибоша». Такова была неприкрашенная патриотическими вымыслами правда: вместо облеченного общественным доверием предводителя, ополчение получило, по назначению начальства, взяточника, погубившего во время похода за границу свой отряд.

Остальные части службы содержат характеристику этого «начальства», губернатора Пасынкова. Характеристику дает в форме акафистных восхвалений «тупоглаголивый Обрамко» — костромской помещик Сумароков, который раскрывает ряд злоупотреблений, прославивших в Костроме Пасынкова. Здесь и получение губернаторства «обманом и плутнями», и полмиллиона богатства, которое он «неправильно стяжал», и какое-то темное дело с «смертоубийцей Калякиным», которого губернатор «в тюрьме уморити предупсел», а имение его «подобрал себе», и темное же дело с костромским почтмейстером — повышение платы за почтовых лошадей с семи копеек до рубля, и женитьба губернского предводителя дворянства князя Козловского на жене «исаря и живодера Николки», предварительно «уморенного» князем.

В целом эта служба представляет интересную картинку провинциальной жизни администраторов, совершенно безответственно распоряжающихся имуществом и жизнью своих подданных. Автор из «бедных дворян» намекает на какие-то «клеветы велия», «испускаемые на него» Бардаковым, но надеется, что «правда изженет злые клеветы». В ожидании же он утешает себя, обличая не только своего непосредственного врага, но и всех вообще костромских администраторов. Церковную службу автор в общем знает, но из всех своих оригиналов близко подошел он только к одному, когда писал свой ирмос. Церковная песнь «Волною морскою скрывшаго древле гонителя, мучителя фараона» дана им в незначительном перифразе. Что же касается остального текста, то он берет лишь самые общие очертания